

Слава Сорокин

Ты здесь не навсегда

18+

Слава Сорокин
Ты здесь не навсегда

«Автор»

2019

Сорокин С.

Ты здесь не навсегда / С. Сорокин — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-99027-2

Дневник, который я вёл, пока проходил лечение в ПНД, где оказался, не справившись с гибелью супруги.

ISBN 978-5-532-99027-2

© Сорокин С., 2019

© Автор, 2019

Слава Сорокин Ты здесь не навсегда

Светлой памяти

Леры Шульц

посвящается

Я очень долго и предельно терпеливо ждал эту дату – первое января две тысячи девятнадцатого года. Кого-то я предупреждал или делал намёки, кому-то говорил о своих планах, но не называл дату; а некоторые видели мои намерения в моих стихах и «исповедях», которые я публиковал на своей странице в «контакте». Кто-то же вовсе не догадывался, так как я старался делать вид, что всё в порядке, иногда притворно улыбаясь или заливаясь смехом, внутри проклиная себя за лицемерие.

Настало тридцать первое декабря. Собрав целый пакет подарков, я отправился к родителям, в том числе прихватив с собой для них мою самодельную книжку, выполненную в одном экземпляре и представляющую для меня огромную ценность. Так я попрощался с личными вещами, имеющими для меня большое значение; так, забегая вперёд, скажу, что моему другу на Новый год я подарил восьмимиллиметровую кинокамеру и пластинку группы Devo.

Довольно душевно посидев с родителями, сестрой и двумя племянниками за столом и выпив с ними немного вина, а также поздравив их, как и они меня, с праздником, тепло с ними попрощавшись, я отправился отмечать Новый год к другу, который заранее прикупил для меня восемь литров пива и две бутылки вина. Плюс у меня было с собой пол литра врученной мне отцом «Бугульмы».

Отмечать мы начали сразу же, как только я пришёл. Затягивать – это не в наших правилах. Нас было всего лишь двое, и это не решало ничего. Или решало абсолютно всё.

Мы пили, курили, слушали музыку, говорили на самые разные темы: от серьёзных вещей и откровений до пошлых шуток, разговоров ни о чём и полной бессловестности. Мы гуляли с вином и взрывали петарды, сливаясь с толпой или целиком от неё отделяясь.

Но неизбежно наступило утро. Первое января. Не смотря на уговоры друга остаться, я твёрдо решил ехать домой. Было около шести утра, – я точно не помню, – когда я оказался на автобусной остановке.

Прошло минут двадцать, а моего автобуса всё не было. Впрочем, не было вообще никакого, ни в одну, ни в другую сторону. Тем временем на остановке уже собирался народ. Я задолбался ждать автобус и вызвал такси. Мне даже было плевать на двойной тариф.

Машина подъехала почти сразу. Я спросил у ожидающих автобус: кому до Коммунистической? Отозвалась одна девушка. Я сказал ей, чтобы садилась на переднее сидение, а сам устроился на заднем. И мы поехали. С таксистом я расплатился сразу, отказавшись от сдачи, решив, что деньги мне уже ни к чему. Я был готов. Я полностью был готов.

Я смотрел то в переднее окно, то в боковые окна, наблюдая проносящийся мимо город и его пейзажи, и не чувствовал ничего, вообще ничего. Всё кругом было таким бесполезным, ненужным, я бы даже сказал: мимолётным. Все эти дома, деревья, дороги, магазины, люди, свежий снег, птицы, будущая весна, которую каждую зиму я ждал с нетерпением, солнечное лето и осенние дожди, которые я очень любил и которые всегда вдохновляли меня. Всё это теперь казалось безнадежно пустым, картонными декорациями, нелепо и наспех разукрашенными, или ещё чем-то подобного рода. Я смотрел на эти декорации отрешённым взглядом, взглядом человека, которому всё равно. Я наконец-то дождался намеченной даты. И водитель такси, сам того не подозревая, вёз меня по практически пустым дорогам к моему роковому желанию; и его скорая близость – единственное, что радовало меня.

Почти сразу, как только машина въехала в Раменское, девушка покинула такси. А уже минут через восемь я зашёл в свою квартиру. Первым делом я зажёл свечу возле фотопортрета моей погибшей и любимой супруги Леры. Затем достал алкоголь, оставшийся у меня после пьянки с другом, а именно: литров пять пива, бутылку вина и почти не тронутую «Бугульму».

Выпив практически на одном дыхании литр пива, я принялся кормить моих крыс, раздав им как можно больше яств. Затем сделал себе коктейль из пива, вина и «Бугульмы» и осушил кружку с коктейлем в пару глотков.

После этого я решил, наконец, взяться за прощальную записку. Не найдя никакой чистой бумаги, я вырвал несколько листов из скетчбука, который мне подарила Лера, предварительно попросив у неё за это прощения вслух.

Вливая в себя немалыми порциями то пиво, то вино, я писал на кухне записку, которая отняла у скетчбука три листа; в основном потому, что, будучи изрядно пьян и на эмоциях, я писал размашисто, не жалея чистого пространства бумаги.

Не считаю нужным приводить здесь текст записки, тем более я его толком не помню, но, если кратко, содержание было примерно следующим: я просил родных простить меня и понять, а также понять то, что жизнь моя без Леры пуста и невыносима; и, по возможности, просил похоронить меня рядом с ней.

Закончив писать записку, я кинулся к домашней аптечке, в которой оставалась почти целая упаковка антидепрессантов, – а это четыре с лишним блистера, – передозировка которыми способна привести к летальному исходу. Их воздействие на организм, на нервную систему и так далее я досконально изучил в интернете в последний рабочий перед Новым годом день по пути на работу. Понятное дело, что упоминать название таблеток я не стану, добавлю лишь, что, кроме летального исхода, от передозировки ими возможна ещё куча всего.

Выдав из блистеров все таблетки, я направился в большую комнату, где запустил на ноутбуке мультсериал. Закинув в рот таблетки, запил их вином, после чего закурил сигарету и уставился в экран ноутбука. Закончив курить, я принялся безбожно вливать в себя оставшийся алкоголь без разбора; потом лёг на постель и под звуки мультфильма спокойно ждал, когда меня вырубят.

Через какое-то время я проснулся от того, что меня тошнит, причём довольно сильно. Я еле успел добраться до туалета, где меня и вырвало. Пока я приходил в себя, сидя возле унитаза, я вдруг понял, что произошло, – не всё, принятое мной, успело усвоиться, – я ужасно расстроился; и расстроился ещё и потому, что в принципе проснулся. Кое-как справившись с этим фактом и настроив себя на мысли о том, что шанс ещё есть, я заставил себя подняться.

Вернувшись в комнату, случайно обнаружил на полу пару тех же таблеток; видимо, обронил или ещё что. Не раздумывая, проглотил их, выпив ещё алкоголя, и почти моментально заснул.

Проснулся я вечером третьего января. Первые пару минут я думал, что умер и нахожусь где-то в другом месте. Но постепенно сознание, пусть и нетрезвое, вернуло меня к реальности, и я понял, что всё ещё жив. Я пришёл в отчаяние. И это отчаяние усугублялось тем фактом, что, как я думал, таблеток больше нет, а значит, мои шансы завершить желанное улетучивались.

Подняв голову и осмотревшись, мой взгляд упал на остатки выпивки, употребив которые, я умудрился одеться и выбраться на улицу с целью добраться до магазина. А это на самом деле было совсем непросто. Пока я собирался, заодно покопался в разных бумагах и нашёл среди них лист с названием этих самых антидепрессантов, а также с рекомендациями по их применению и прочими надписями, и с логотипом клиники, в которой они были выписаны. Приняв эту бумажку за рецепт, захватил её с собой.

Я толком не помню мою прогулку. Помню лишь, что зашёл с этим листом в пару аптек, интересуясь наличием этих самых таблеток, но фармацевты лишь недоумённо и сочувственно (как мне показалось) смотрели на меня и отвечали, что такого лекарства в наличии нет. И после этих попыток я всё же направился в магазин и набрал там на почти все оставшиеся у меня деньги кучу алкоголя.

Дальнейшее я почти не помню. Не помню, как ходил по магазину, как выбирал спиртное, как расплачивался на кассе; и как дошёл до дома – тоже не помню. В памяти мерцают лишь моменты: как ползал по полу, пытаясь найти эти самые таблетки; и нашёл, кажется, три с четвертью; пошарил также заодно в аптечке, но там их не обнаружил. Тогда я принялся шарить по всей кухне с целью найти хоть что-то, что могло бы помочь мне довести дело до конца.

Я лазил по полкам с каким-то ожесточением, с каким-то фанатизмом, будто нанюхался амфетамина. И нашёл лишь пол-литра уксуса. Схватив его, вернулся в комнату, закинул в рот таблетки и запил их уксусом, причём выпив все пол-литра разом, а после сразу принялся за алкоголь. Прошло какое-то время, и я снова отрубился.

Не знаю точно, когда я проснулся, но более-менее осознал себя вновь я часов в одиннадцать вечера пятого января. Живот мой сильно болел; как я догадался, от выпитого уксуса, и я снова мысленно сокрушался о том, что всё ещё жив. Уксус ведь, вроде бы, должен был добить меня. Собравшись с силами, я полез в интернет, где узнал о том, что убить способен лишь гораздо более концентрированный уксус; девятипроцентный, максимум, способен лишь подпортить здоровье.

Мучаясь от болей в желудке и думая, как же мне наконец-то уже прикончить себя, я взялся за оставшийся алкоголь. Я включил музыку, если точнее, «Соломенных енотов», и, лёжа в постели, мысленно сокрушался о своих неудачах. И пил, пил, пил.

Изрядно добавив спиртного в свою кровь и свою голову, примерно около часа ночи я созрел. Я отправился на кухню, взял первый попавшийся нож, вернулся в комнату, зачем-то разделся до трусов, и принялся пытаться перерезать себе вены. Но нож был настолько тупой, что даже кожу брал с трудом. Недолго думая, кинулся в ванную, взял бритву, разобрал её, достав лезвие. Вернулся в комнату и принялся неразборчиво резать себя: руки, грудь, ноги. В основном ноги. Вырезал на груди, в районе сердца, слово «love».

Я резал и резал себя, и не мог остановиться. Странная ухмылка застыла на моём лице. Оставив уже в покое руки и грудь, я наносил порезы исключительно на ноги.

Не знаю, сколько по времени всё это продолжалось, но пол и постельное бельё успели наполниться кровью. Вдруг в какой-то момент я пришёл в себя. Резко позвонил в «Скорую».

– "Скорая".

– Я сижу и режу себя.

– Вены задеты?

– Кажется, нет.

– Тогда зачем вы нас беспокоите?

Оператор повесила трубку.

Посмотрев на часы, я всё же позвонил родителям, рассказал им, что со мной происходит, попросил их вызвать мне «скорую».

Уже минут через пятнадцать мне постучали в дверь. Я открыл. На пороге стояли люди из «скорой». Я пустил их в квартиру. Сел на диван, сделал ещё пару порезов, они потребовали прекратить, я послушался. Приехали родители. Меня попросили одеться, я не отказался. Затем мы все вместе вышли из квартиры, залезли в машину реанимации, и автомобиль направился в психушку. Я не возражал.

Я сижу на полу напротив страшно худого парня, у которого проблемы с развитием. Он сидит под под пожарным блоком, на котором стоит радиоприёмник. Играет музыка. Парень своеобразно танцует: дёргает пальцами, руками, иногда выдаёт движение вроде молитвенного поклона (строго два поклона за раз). Наблюдение за ним завораживает, околдовывает. Я смотрю на него и не могу оторваться.

Шёл четвёртый день моего пребывания в психушке. И я буквально только-только начал хоть что-то осознавать.

Не помню точно, как здесь оказался. Помню лишь, как открыл дверь врачу и фельдшера из «скорой помощи»; как они прошли вслед за мной в комнату; как я, сидя перед ними на диване, успел нанести себе на ноги ещё несколько порезов, прежде чем они успели остановить

меня. Врач задавал какие-то вопросы, я что-то отвечал, но совсем не помню наш диалог. Чуть позже примчались мои мать с отцом. Они были ошеломлены. По ногам моим текла кровь. Пол и постельное бельё были испачканы ею. Я был сильно растерян. Врачи сказали, чтобы я одевался. Я послушно натянул свои чёрные узкачи прямо поверх кровоточащих порезов.

Далее помню, как залезал в «скорую». Как ехали и как я покидал машину, не помню. Еле всплывает в памяти как я, мама, отец и ещё какой-то мужчина, по всей видимости, психиатр, сидели в кажущемся мне тусклым кабинете, и, тем не менее, единственный источник света, – лампа на потолке, – резала мне глаза. Помню, как мама сказала отцу, чтобы он поехал ко мне домой и хоть немного прибрался. Помню, что просил прощения у мамы и заодно слёзно просил меня навещать. Она пообещала.

Затем доктор попросил у меня паспорт, а также предложил все вещи, – телефон, пластиковую карту и так далее, – отдать маме. Ещё он потребовал снять обручальное кольцо, которое я по-прежнему носил на правой руке. Требование расстаться с кольцом, хоть и временно, страшно расстроило меня. Я пытался уговорить доктора оставить кольцо при мне, не снимать его, но всё было тщетно, пришлось его всё-таки снять. От этого факта мне захотелось плакать, – было чувство, будто меня нарочно хотят добить, разлучить с Лерой, – но я сумел сдержаться.

Далее помню, как меня отвели в мужское отделение ПНД, где первым делом отправили в душ, смыть кровь. Меня поливали чуть тёплой водой, пока не смыли её всю. Затем выдали какие-то местные шмотки, а мою одежду, как я позже узнал, отправили на склад.

Наверное, следует добавить, что я всё ещё, и это отнюдь не удивительно, был изрядно пьян. В таком состоянии, после того как я оделся, меня проводили в палату и указали на только что приготовленную койку. Я лёг и укрылся одеялом. Все ушли. Но где-то через минуту пришли санитарка и медсестра и принялись меня привязывать. Такая их инициатива показалась мне сомнительной и спорной, и я спросил:

– А это обязательно?

– Да, – ответил кто-то.

– Тогда ладно.

И я не стал сопротивляться. Я даже, если так можно выразиться, немного обрадовался: прямо как в кино!

Привязав мои руки к койке, медсестра попросила меня повернуться набок. Я подчинился. Мне друг за другом сделали два укола; и наконец-то оставили в покое. Было около двух с половиной часов ночи.

Минут через пятнадцать я отвязался. Мне сильно хотелось в туалет, но я не хотел спалиться отвязанным, поэтому встал во весь рост на койке, открыл окно, которое находилось прямо возле меня, и справил нужду в него, после чего снова лёг и почти моментально заснул.

В общем, первые три дня я помню довольно смутно. Помню, что, вроде бы, ходил со всеми в столовую, помню уколы, помню таблетки, но в голове нет никаких чётких воспоминаний, лишь мерцания; я в основном спал и больше ничего не делал. Впрочем, как я позже заметил, это происходило почти со всеми вновь поступившими. Видимо, это как-то связано с уколами.

Ещё помню, как пара санитарок и одна медсестра утверждали, что, как только закончатся выходные, меня выпишут. Поэтому я с нетерпением дожидался девятого января. И когда оно наступило, во мне поселилось что-то вроде радости от скорой выписки. Вообще я был уверен, что меня отпустят уже на следующий после поступления день или хотя бы восьмого числа. Но система в психушке оказалась совсем иной, и она явно не собиралась поливать мне. Поэтому, когда девятого января доктора вызвали меня на комиссию, точнее, на разговор, во время которого мне задавали множество вопросов, причём моментами перекрёстно, – будто хотели сбить меня толку, – и пытались выяснить мотивы, по которым я пытался покончить с собой, на мой недоумённый вопрос: «выпишут ли меня сегодня?» главный, по фамилии Ким, ответил: «ни

сегодня, ни завтра, ни послезавтра тебя никто не выпишет», я был, мягко говоря, ошарашен. Явно накрывались работа, возможность поздравить отца с днём рождения и многие другие мои планы. Я понял, что попал. И это лишь чрезвычайно краткое описание мыслей, посетивших меня в тот момент.

Ну, раз уж попал, придётся смириться.

Хочется ещё отметить, что, когда со мной разговаривали доктора, я слегка (или отнюдь не слегка) беспокоился, и в связи с этим перебирал пальцы одной руки пальцами другой и наоборот; за этим пристально следил доктор, сидевший напротив, и я видел это, но не мог заставить себя перестать.

Итак, шёл четвёртый день моего пребывания в дурдоме. Делать здесь практически нечего, никаких развлечений, даже сигареты выдают строго по расписанию: в шесть тридцать утра, потом – после завтрака, далее – после обеда, после тихого часа, после ужина и после последнего приёма таблеток, а это примерно в двадцать тридцать – девять часов вечера. И строго по одной штуке в руки, будь у тебя их хоть целый блок, хоть бесконечное количество. Правда, иногда удавалось схитрить, попросив из своей пачки сигарету для кого-нибудь ещё. Но это прокатывало не со всеми санитарками (а всё курево находилось именно у них в кабинете, причём под замком); так то приходилось терпеть, томясь в ожидании раздачи сигарет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.